

Жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте Торы

Елена Сергеевна Степанова

Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия
pretty.step@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>

Аннотация

Медицинский миф в священном тексте реализуется в вопросах, касающихся знаний о болезнях и способах их лечения. Медицинский миф представляет собой сложное явление, возникает в результате взаимодействия людей в рамках определенного лингвокультурного сообщества, оказывает влияние на его нормы и ценности. Цель данного исследования – описание жанровой специфики медицинских мифов в священном тексте Торы, рассмотрение их сюжетно-тематического содержания. Актуальность работы обусловлена тем, что жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте до сих пор не становились объектом исследования. Теоретическая значимость определяется тем, что результаты данного исследования способствуют изучению жанровых особенностей медицинского мифа в священных текстах различных религий. Практическая значимость работы заключается в потенциальном применении исследований жанровых особенностей медицинского мифа на практических занятиях по стилистике английского языка, посвященных анализу семантико-смыслоного пространства медицинского мифа и его метафорике в священных текстах в англоязычной интерпретации. Предлагается методика исследования: 1) анализ жанровых особенностей медицинского мифа как сложного архетипического комплекса; 2) описание типологии медицинского мифа в священном тексте Торы, которая репрезентирует его жанровые особенности, с помощью метафорического фреймирования. Представлена типология медицинских мифов в священном тексте Торы (миф об эпидемии болезни, миф об укусе змеи, миф о суррогатном материнстве), которая описана с помощью метафорического фреймирования. Делается вывод о том, что жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса характеризуются образностью, которая отражается в эмблематике данного мифа. Мифологическая образность, во-первых, проявляется в архетипических событиях в медицинском мифе, которые возникли на основе архаических верований о недуге как результате действия злых духов. Во-вторых, миф показывает сакральность деятельности мифологических героев, создавая мифологическую картину мира, которая не ограничена во времени. В-третьих, архетипическое сюжетное клише объединяет семантико-смыслоное пространство мифа и является его ценностно-смыслоным ядром.

Ключевые слова: жанр, медицинский миф, архетип, фрейминг, метафорика, семантико-смыслоевое пространство, ценности

Для цитирования: Степанова Е.С. Жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте Торы // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 67–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-67-75>

Genre features of the medical myth in the sacred text of the Torah

Elena S. Stepanova

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation,
pretty.step@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>

Abstract

The medical myth in the sacred text realizes matters concerning the knowledge about diseases and methods of their treatment. The medical myth is a complex phenomenon that arises as a result of interaction of people within a certain linguocultural community and influences its norms and values. The purpose of this study is to describe the genre specifics of medical myths in the sacred text of the Torah and to consider their plot and thematic content. The relevance of the study is due to the fact that the genre features of the medical myth in the sacred text have not yet become the object of the research. The theoretical significance of the work is determined by the fact that the results of this study contribute to the study of the genre features of the medical myth in the sacred texts of various religions. The practical significance of the work lies in the potential application of the research into the genre features of the medical myth in practical classes on the stylistics of the English language, devoted to the analysis of the semantic and meaningful space of the medical myth and its metaphorical representation in sacred texts in English. The proposed research methodology is as follows: 1) analysis of the genre features of the medical myth as a complex archetypal

complex; 2) description of the typology of the medical myth in the sacred text of the Torah, which represents its genre features, using metaphorical framing. The typology of medical myths in the sacred text of the Torah is as follows: the myth of the epidemic of the disease, the myth of the snake bite, the myth of surrogate motherhood. These myths can be described using metaphorical framing. The analysis shows that the genre features of the medical myth as a complex archetypal complex are characterized by figurativeness, which is reflected in the emblematic features of this myth. Mythological figurativeness, firstly, is manifested in archetypal events in the medical myth, which arose on the basis of archaic beliefs about illness as a result of the action of evil spirits. Secondly, the myth shows the sacredness of the activities of mythological heroes, creating a mythological picture of the world that is not limited in time. Thirdly, the archetypal plot cliché unites the semantic and meaningful space of the myth and it is its value-semantic core.

Keywords: genre, medical myth, archetype, framing, metaphor, semantic and meaningful space, values

For citation: Stepanova E.S. Zhanrovyye osobennosti meditsinskogo mifa v svyashchennom tekste Tory [Genre features of the medical myth in the sacred text of the Torah]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 67–75 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-67-75>

Введение

На протяжении всей истории существования человечества у людей появлялись различные недуги и болезненные состояния. Люди верили, что знания об исцелении от болезней находятся в священных текстах, поэтому занимались их чтением и интерпретацией. Например, книга Левит (третья книга еврейской Библии Торы) представляет собой своеобразное пособие по диагностике кожных заболеваний. Четырнадцатая глава данной книги посвящена диагнозу и лечению проказы. В свою очередь пятнадцатая глава содержит предписания о чистоте тела мужчины и женщины. Также в Библии есть упоминания об использовании лечебных средств для лечения ран и болезней: масел, листьев, бальзамов. К тому же в священных текстах описаны чудесные случаи исцеления верой в Божественную силу, которые уже давно стали медицинскими мифами.

В современном обществе медицинские мифы приобретают семантическое и лингвокультурное значение. Семантическое значение медицинского мифа заключается в том, что он выступает в качестве системы образов, которая имеет общие черты в различных мифологиях всего мира. Также миф становится источником многочисленных метафор. Лингвокультурное значение медицинского мифа связано с тем, что он содержит в себе представления о феноменах окружающей действительности, которые реализуются с помощью различных языковых средств, хранятся в памяти представителей лингвокультурного сообщества и транслируются из поколения в поколение [1, 2].

Изучению медицинского мифа в священных текстах разных религий посвящено множество лингвистических исследований. Медицинский миф как результат магического и сверхъестественного опыта анализируется в работе А.М. Суботяловой, М.А. Суботялова, посвященной медицинским знаниям в священных памят-

никах древнего эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата» [3]; как результат общественного накопленного опыта анализируется в работе И.Д. Кароматова, Х.Ж. Гулямова, освещющей библейские мифы древних израильтян [4], как сакральная культурная реалия, которая ассоциируется с различными мифологическими стереотипами обыденного языкового сознания в работе Е.С. Степановой, анализирующей библейские мифы о сотворении человека [5]. Однако жанровые особенности медицинского мифа в священном тексте до сих пор не становились объектом изучения. В этом и состоит актуальность нашего исследования.

Медицинский миф в священном тексте реализуется в вопросах, касающихся знаний о болезнях и способах их лечения. В Библии при религиозном взгляде на болезнь чудесное исцеление понимается как знамение того, что человек прощен Богом. Миф о чудесном исцелении анализируется как сложное явление, которое имеет личностный и общественный аспект, возникает в результате взаимодействия людей в рамках определенного лингвокультурного сообщества, формирует нормы и ценности [6].

Медицинский миф содержит информацию, которая является результатом духовного освоения мира. Информационное содержание медицинского мифа эксплицируется мифемами (фундаментальными составляющими мифа), которые манифестируются двумя уровнями: архетипическим уровнем, являющимся частью обыденной картины мира [7, с. 85], и уровнем научного познания, использующим теоретические знания и эмпирические закономерности [8, с. 17].

Медицинские мифы о недугах отражают результаты осмыслиения и закрепления результатов познания объектов и событий окружающего мира лингвокультурным обществом. Процесс исцеления от недуга определяется разными смысла-

ми, постигаемыми интуитивно или рационально в виде мифических представлений и мировоззренческих парадигм, характерных для лингвокультурного общества. При анализе медицинского мифа необходимо учитывать абстрактные идеи и понятия из различных областей культуры, которые оказывают влияние на мифотворчество. Такими определяющими понятиями являются *медицинские сюжеты*, описанные в священных текстах; *религиозные верования*, связанные с медицинскими знаниями; *ценности*, необходимые для жизни в социальной среде и взаимодействия с другими представителями лингвокультурного сообщества [9, с. 71].

Медицинский миф представляет собой указание на личностную, социально-культурную ценность определенных объектов и явлений в данной культуре. Медицинский миф мотивирует человека мыслить в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые признаются значимыми, поскольку он является феноменом индивидуального и социального бытия человека. Данное понятие содержит в себе совокупность убеждений и принципов, которые влияют на поведение, мотивацию и жизненные цели человека в определенной ситуации [10].

Ценностные смыслы медицинского мифа связаны с его аксиологической функцией, которая заключается в том, что миф задает определенную ценностную шкалу явлениям и отношениям между человеком и окружающим миром, которые представлены в виде текстовых вкраплений в священном тексте. Ценностные смыслы актуализируются с помощью прецедентных феноменов, которые отсылают к смысловым опорам, присутствующим в сознании представителей определенного лингвокультурного общества в качестве знания и способствующим осмыслинию поступающей информации об окружающей действительности.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она способствует изучению жанровых особенностей медицинского мифа в священных текстах различных религий (Библии, Корана, Вед и др.). Результаты исследования расширяют имеющуюся базу изучения семантики медицинского мифа, его фреймовой реализации в священных текстах. Предлагаемая типология может быть использована при анализе медицинского мифа в других типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в потенциальном применении исследований жанровых особенностей медицинского мифа на практических занятиях по стилистике английского языка, а также при подготовке спецкурса «Библейстика», который посвящен анализу се-

мантико-смыслового пространства медицинского мифа и его метафорике в священных текстах на английском языке.

Материал и методы

Материалом для исследования послужила Тора (Torah) [11] – священная книга в иудаизме, часть еврейской Библии, состоящей из пяти книг, обычно называемых Пятью Книгами Моисея, или Пятикнижием: Бытие (Genesis), Исход (Exodus), Левит (Leviticus), Числа (Numbers), Второзаконие (Deuteronomy), – которые содержат Моисеев закон. Данная священная книга изложена в англоязычной интерпретации, и для нас как иностранных реципиентов представляет интерес ее лингвистическая составляющая.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных ученых в области изучения жанровой природы мифа Т.Е. Владимировой [12], А.Ф. Лосева [13], Е.М. Мелетинского [14], И.Г. Франка-Каменецкого [15]. Так, в своей известной монографии «Поэтика мифа» Е.М. Мелетинский [14] утверждает, что мифу свойственны элементы как поэтического, так и дидактического начала. Поэтическое начало мифа, по мнению ученого, заключается в том, что мифу свойственно претворение общих представлений в чувственно-конкретной форме, т. е. та самая образность, которая специфична для искусства и которую он унаследовал от мифологии. Дидактическое начало мифа, по мнению исследователя, связано с тем, что ранее мифологическое мышление было формой познания окружающего мира и служило инструментом анализа. Смысл мифологии – превращение хаоса в космос, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект. Миф гармонизирует взаимоотношения между человеком и обществом и в целом – с природой [14, с. 168–169]. Очевидно, что миф совмещает в себе черты как выдуманной действительности (поэтическое начало), так и реальной (дидактическое начало).

А.Ф. Лосев разделяет точку зрения Е.М. Мелетинского и утверждает, что миф «совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности». Поэтичность характеризуется духовностью, образностью и эстетически ценной языковой объективацией социокультурных смыслов, посредством которых лингвокультурное сообщество постигает и понимает окружающий мир и свое предназначение в нем. Вторая – мир как он есть, независимо от субъективного восприятия. Ученый отмечает, что миф не есть догмат, поскольку догмат предполагает некоторый минимум религиозного опыта, в то время как миф просто история личного

бытия или общественного опыта, призванная объяснить существующий порядок на земле [13, с. 87, 128].

Известный филолог И.Г. Франк-Каменецкий, исследующий поэтическое начало мифа с помощью метафоры на примере библейской поэзии (псалмы, книги мудрости (Иова, Притчей, Екклезиаста, пророческие книги, а также Пятикнижие)), утверждает об общности ее черт с древнейшими мифологическими и религиозными архетипами. Поэтическая метафора Библии объясняется метафоричностью языка, т. е. используется носителями языка автоматически как метафорическая модель и часто не осознается ими как метафора. К тому же библейской поэзии свойственна открытость, которая поощряет читателя к творческому осмысливанию через многие варианты интерпретации. Очевидно, что метафоричность библейской поэзии является основой для всех последующих литературных жанров [15, с. 30–34].

Согласно Э. Кассиреру, метафора отражает архетипические образы, мотивы или модели поведения, которые повторяются в культуре, мифологии, литературе и искусстве различных народов и эпох. Данные универсальные образы выступают в качестве символического языка персонажей или событий в мифах для передачи глубоких подтекстовых смыслов. Соотношение мифа и метафоры имеет диалектический характер. Миф является порождением начального, первобытного мышления, основан на памяти и наблюдениях, полностью или частично исключает критическое мышление и логику. Миф – это способ, позволяющий организовать информацию о феноменах окружающей действительности в систему, не проводя грани между образом и значением. Объективное восприятие действительности, основанной на фактах, ведет к разрушению, преломлению мифологических представлений и появлению процесса метафоризации. Развеянные иллюзорные мифологические представления находят свое выражение в языковых реализациях бессознательных процессов человеческой психики – в форме архетипов, метафор [16, с. 37].

Вышеописанное свойство метафоры свидетельствует о том, что данное стилистическое средство может выступать в качестве образной схемы, в которой акцентируется определенный элемент священного текста или языковой структуры. Данному элементу придается значимость с целью продвижения определенного видения проблемы или ситуации, включая понимание ее причин, морально-этической оценки и представления о способах ее решения. Метафора как образная схема помогает реципиенту понять сложную

концепцию, проецируя на нее более понятную и ясную идею. Метафора в качестве средства фрейминга (образной схемы) участвует в когнитивно-дискурсивном моделировании действительности и играет важную роль в создании ярких сюжетов в медицинском мифе. Согласно принципам когнитивно-дискурсивного моделирования действительности метафора рассматривается как метакоммуникативная единица. В данной функции метафора выражает положительные или отрицательные коннотации, заключенные в семантике слова, соотносит формулируемые смыслы с реальным миром [17, с. 411].

Интересную точку зрения о репрезентации архетипических представлений в литературном произведении находим в работе А.А. Кушниренко «Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения», в которой она утверждает, что «в художественном произведении архетипы не функционируют изолированно друг от друга – они образуют единый архетипический комплекс текста». В художественном произведении может актуализироваться комплекс языковых единиц, выступающих в качестве архетипов. Данный комплекс является архетипическим сюжетным клише, которое представляет собой своего рода матрицу в сознании писателя, которая является иерархической структурой мировоззренческих ценностей писателя. Архетипическое сюжетное клише предопределяет мотивы действия персонажей, основные сюжетные линии [18, с. 133–134].

В нашем исследовании медицинский миф рассматривается как сложный архетипический комплекс – система образов, символов и мотивов, которые передаются из поколения в поколение, отражая первобытные медицинские знания и ценности. Данное понятие объединяет семантико-смысловое пространство мифа и выступает его онтологической смысловой доминантой. Значение архетипического сюжетного клише мифа находится в коллективной когнитивной базе, что позволяет реципиенту его интерпретировать.

Цель данного исследования – описание жанровой специфики медицинских мифов в священном тексте Торы, рассмотрение их сюжетно-тематического содержания.

Поставленная цель определяет задачи исследования: 1) выявление медицинских мифов в Торе; 2) классификация медицинских мифов; 3) изучение сюжетных клише медицинских мифов и их функций в Торе; 4) описание медицинских мифов с помощью фрейминга.

Цель и задачи исследования определили выбор следующих методов исследования: метод сплошной выборки, с помощью которого были отобраны

единичные примеры (в количестве восьми единиц) и описаны посредством метафорического фреймирования; стилистический анализ медицинских мифов, представляющий собой интерпретацию мировоззренческих взглядов на медицинские знания; описательный метод, направленный на анализ концептуального содержания данных мифов.

Методика исследования включала: 1) анализ жанровых особенностей: медицинского мифа как сложного архетипического комплекса; 2) описание типологии медицинского мифа в священном тексте Торы, которая репрезентирует его жанровые особенности, с помощью метафорического фреймирования.

Результаты и обсуждение

Первый этап исследования заключался в том, что нами были определены жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса.

1. Архетипическое сюжетное клише

Сюжетно-понятийная структура, которая имплицитно содержит в себе повествование о некотором комплексе медицинских знаний и практических действий, имеющем мифологические корреляты, эксплицированные лингвистически, графически, акционально, представляет собой *архетипическое сюжетное клише* [19, с. 296]. Последнее институционально отражает этнические ценности определенной общественной группы или социума в целом [20, с. 293]. На основе архаических верований болезнь рассматривалась как результат действия злых духов, влияния ведьм или порчи. Так, в греческой мифологии причиной развития недуга считались внешние сверхъестественные факторы – воздействие богов и демонов. Например, в поэме Гомера «Одиссея» Цирцея опоила воинов Одиссея напитком забвения, из-за чего они утратили память и превратились в свиней.

Мифам разных народов присущи сходные медицинские темы и мотивы. Например, мотив рождения из земли в индуизме и греческой мифологии. Таким примером может послужить в «Махабхарате» рождение Драупади в результате ритуального всхивания поля царем Джанакой. Также Ясон, герой Илиады Гомера, должен был всхать поле и засеять его змеиными зубами, чтобы из земли выросло племя воинов.

2. Описание проявлений священного (сверхъестественного) в мифе.

Миф раскрывает творческую активность персонажей и показывает сакральность их действий. Герой мифа переходит из профанного мира в сферу сакрального, где он становится участником чудесных событий. Например, Одиссей из

одноименной поэмы Гомера во время путешествия преодолевает трудности и обретает божественную мудрость. В процессе перехода герой становится связующим звеном между двумя мирами, божественным и земным. Например, Гермес подсказывает Одиссею, как нарушить чародейство Цирцеи, и дает ему чудодейственное растение, которое является противоядием.

3. Создание мифологической картины мира.

Данная мифологическая картина мира не ограничена хронологией и конкретной перспективой, а включает в себя несколько периодов времени. Для мифологической картины мира характерно антропоморфное моделирование, которое связано с архаическим мировоззрением, когда человек наделял окружающие предметы и явления человеческими чувствами и качествами. Миф достраивает недостаточную информацию о феноменах окружающей действительности с помощью мифологических образов. Так, в славянской мифологии болезни связывали с двенадцатью сестрами-лихорадками, каждая из которых вызывает определенное проявление недуга.

На втором этапе исследования нами была представлена типология медицинского мифа, репрезентирующая его жанровую особенность. Как показал анализ, типология медицинских мифов в священном тексте Торы – миф об эпидемии болезни, миф об укусе змеи, миф о суррогатном материнстве – может быть описана с помощью метафорического фреймирования. На первый тип мифа пришлось четыре примера, на два других – по два. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны и тем самым создают оригинальность, эмблематичность медицинского мифа.

1. Миф об эпидемии болезни.

Фрейм «Гнев Господа – чума» с помощью метафоры *wrath has gone forth from the Lord: the plague has begun* актуализирует миф об эпидемии болезни, которую Всевышний наслал на израильтян, поскольку они выступали в защиту Кораха (Korah), возглавившего восстание против Моше и Аарона, и за что он был наказан Всевышним. Эпидемия начала необычайно интенсивно распространяться среди народа. У данной болезни не было инкубационного периода. У заболевших был мгновенный летальный исход. Желая спасти людей от смерти, Моше велит Аарону провести церемонию воскурения между умершими и еще живыми людьми, чтобы искупить грех и остановить эпидемию:

He put on the incense and made expiation for the people; he stood between the dead and the living until the plague was checked. Those who died of the plague came to fourteen thousand and seven hun-

dred, aside from those who died on account of Korah. Aaron then returned to Moses at the entrance of the Tent of Meeting, since the plague was checked. «И совершил он церемонию воскурения, и очистил народ; и стоял между мертвыми и живыми, пока не прекратилась чума. Было умерших от чумы четырнадцать тысяч семьсот, не считая умерших из-за Кораха. И вернулся Аарон к Моисею ко входу в Шатер Откровения, так как чума прекратилась» [Torah. Numbers 17.11-15]. В данном примере метафора *made expiation for the people* (очистил народ) и бинарная оппозиция *the dead and the living* (мертвые и живые) эксплицируют окончание смертельной эпидемии болезни.

В следующем примере фрейм «Гнев Господа – цараат» с помощью метафоры *...one dead, who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away* актуализирует миф об эпидемии болезни цараат, которая быстро распространялась среди израильтян. Мириам, сестра Аарона, была поражена этой болезнью за то, что участвовала в клевете на Моисея. Цараат описывается как «подобный снегу» из-за шелушения кожи, которое характерно для различных кожных заболеваний. Аарон просит Моисея исцелить ее. Моисея молится за свою сестру, и она исцеляется от цараата, но должна оставаться в заточении семь дней:

O my lord, account not to us the sin which we committed in our folly. Let her not be as one dead, who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away. «Господин мой, не вмени нам греха, который мы совершили по глупости нашей. Да не будет она как мертвец, выходящий из чрева матери своей с объеденной половиной плоти» [Torah. Numbers 12.10].

В данном примере метафора *dead* (мертвый) символизирует прокажника, который из-за болезни был изолирован от общества и вызывал осквернение у тех, кто с ним контактировал, метафора *one... who emerges from his mother's womb with half his flesh eaten away* (выходящий из чрева матери своей с объеденной половиной плоти) символизирует «выход из чрева матери», т. е. преждевременные роды или рождение мертвого ребенка, который некоторое время был мертв в утробе матери и при выходе из нее выглядит белым и гниющим, с частично съеденной плотью.

В следующем примере фрейм «Знамение Господа – цараат» с помощью метафоры *his hand was encrusted with snowy scales* (его рука была покрыта снежной чешуей) реализует миф о том, что Моисея боялся, что люди не поверят ему, что он посланник Господа. И тогда Всевышний сказал ему следующее:

«Put your hand into your bosom». He put his hand into his bosom; and when he took it out, his

hand was encrusted with snowy scales! And He said, «Put your hand back into your bosom». He put his hand back into his bosom; and when he took it out of his bosom, there it was again like the rest of his body». «Положи руку свою к себе за пазуху». Он положил руку свою к себе за пазуху; а когда вынул ее, рука его была покрыта снежной чешуей! И сказал Он: «Положи руку свою обратно к себе за пазуху». Он положил руку свою обратно к себе за пазуху; а когда вынул ее из-за пазухи, она снова стала такой же, как и все его тело» [Torah. Exodus 4.1-7]. В данном примере метафора *his hand was encrusted with snowy scales* (его рука была покрыта снежной чешуей) ассоциируется с цааратом и символизирует божье знамение и возложенную на Моисея миссию, что он будет проповедовать от имени Бога.

В следующем примере фрейм «Гнев Господа – чахотка и лихорадка» с помощью метафоры *I will wreak misery upon you – consumption and fever, which cause the eyes to pine and the body to languish* (Я наведу на тебя беду – чахотку и лихорадку, от которых глаза чахнут, а тело слабеет) [Torah. Leviticus 26.16] активизирует миф о том, что Всемогущий предостерегает израильтян от нарушения заповедей Торы, и в случае пренебрежения заповедями люди будут наказаны болезнями. В вышеупомянутом примере с помощью антропонимической метафоры *consumption and fever cause the eyes to pine* (чахотка и лихорадка, от которых глаза чахнут) описаны тяжелые страдания, посланные Всемогущим за несоблюдение священных заповедей.

2. Миф об укусе змеи.

Фрейм «Гнев Господа – укус змеи» с помощью метафоры *seraphe serpent* (змей сераф) актуализирует миф о том, что Господь послал на израильтян ядовитых змей в качестве наказания за малодушие и ропот во время скитаний по пустыне. Змеи жалили народ, и многие из израильтян умерли от их укусов: *The Lord sent seraph serpents against the people. They bit the people and many of the Israelites died* [Torah. Numbers 21.5-9].

В следующем примере наблюдается фрейм «Укус змеи – медный змей (исцеление)», который активизируется с помощью метафоры *copper serpent* и символизирует божественное исцеление и спасение. Так, противоядием от змеиного укуса выступило изображение змеи, закрепленное на деревянном шесте. Ужаленному было достаточно взглянуть на это медное изображение, и смерть отступала:

Then the Lord said to Moses, «Make a seraph figure and mount it on a standard. And if anyone who is bitten looks at it, he shall recover». Moses

made a copper serpent and mounted it on a standard; and when any one was bitten by a serpent, he would look at the copper serpent and recover. «И сказал Господь Моше: „Сделай изображение Серафима и закрепи его на знамени. И если укушенный посмотрит на него, он выздоровеет“. Моше сделал медного змея и повесил его на знамя; и когда кого-либо кусала змея, он смотрел на медного змея и выздоравливал» [Torah. Numbers 21.5-9].

3. Миф о суррогатном материнстве

Фрейм «Агари на твоем лоне – ребенок Сары» с помощью метафоры *I myself put my maid in your bosom* (Я сама положила мою служанку на твое лоно) [Torah. Genesis 16.2] актуализирует миф о том, что первая попытка суррогатного материнства, описанная в Торе, связана с решением Сары позволить своему мужу Аврааму стать отцом с помощью ее рабыни-египтянки Агари. Он сожительствовал с Агари, и она зачала. В результате этого родился Ишмаэль, старший сын Авраама и будущий праотец арабского народа:

Hagar bore a son to Abram, and Abram gave the son that Hagar bore him the name Ishmael... He shall be a wild ass of a man; His hand against everyone; And everyone's hand against him; He shall dwell alongside of all his kinsmen. «Агари родила Аврааму сына; и Авраам дал сыну, которого родила Агари, имя Ишмаэль... Он будет конфликтный человек. Его рука будет против всех, и руки всех будут против него. Он будет жить со всеми братьями своими» [Torah. Genesis 16.2-9]. В этом примере метафора *a wild ass of a man* и хиазм *his hand against everyone, and everyone's hand against him* характеризуют Ишмаэля как человека, который часто находится в оппозиции к другим, участвует в спорах и войнах.

Фрейм «служанка беременна – ребенок Рахиль» с помощью метафоры *fruit of the womb* «Can I take the place of God, who has denied you fruit of the womb?» (Могу ли я стать вместо Бога, который лишил тебя плода чрева?) [Torah. Genesis 30.2-8] актуализирует миф о другой попытке

суррогатного материнства, описанной в Торе, когда жена Иакова, Рахиль, отчаявшись самостоятельно родить мужу ребенка, обратилась за помощью к служанке Биле: *Bilhah conceived and bore Jacob a son. And Rachel said, «God has vindicated me; indeed, He has heeded my plea and given me a son». Therefore she named him Dan.* «Била зачала и родила Иакову сына. И сказала Рахиль: „Бог оправдал меня, услышал мольбу мою и дал мне сына“. Таким образом, она назвала его Даном» [Torah. Genesis 30.2-8].

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что жанровые особенности медицинского мифа как сложного архетипического комплекса характеризуются образностью, которая отражается в эмблематике данного мифа. Мифологическая образность, во-первых, проявляется в архетипических событиях в медицинском мифе, которые возникли на основе архаических верований о недуге как результате действия злых духов. Во-вторых, миф показывает сакральность деятельности мифологических героев, создавая мифологическую картину мира, которая не ограничена во времени. В-третьих, архетипическое сюжетное клише объединяет семантико-смысловое пространство мифа и является его ценностно-смысловым ядром. Архетипическое сюжетное клише медицинского мифа предопределило создание типологии данного мифа, которая может быть описана с помощью метафорического фреймирования. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны и тем самым создают метафорику медицинского мифа.

Поскольку анализ проводился на одном священном тексте, полученные результаты не являются окончательными и имеют определенную степень индивидуально-авторской интерпретации. Настоящая работа требует продолжения и сравнения жанровых особенностей данного мифа в других священных текстах.

Список источников

1. Статкевич И.А. Восприимчивость человека и духовные особенности исцеления его организма // Труды молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2001. С. 57–60.
2. Статкевич И.А. Феноменология и сущность суггестии. Мистическая и научная ее интерпретация // Сборник научных трудов кафедры комплексных исследований по философии. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2002. С. 58–66.
3. Суботялова А.М., Суботялов М.А. Медицинские упоминания в эпических произведениях Древней Индии («Рамаяна» и «Махабхарата») // Science for Education Today. 2019. Т. 31, № 3. С. 96–103.
4. Кароматов И.Д., Гулямов Х.Ж. Медицинские вопросы, освещенные в Библии // Биология и интегративная медицина. 2017. № 4. С. 180–186.
5. Степанова Е.С. Семантика мифа о рождении как культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 1. С. 292–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304>

6. Степанова Е.С. Мифы о чудесных исцелениях: лингвистические и аксиологические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 24–32. doi: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. 123 с.
8. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 169–175.
9. Stepanova E.S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction // The International Journal of Communication and Linguistic Studies. 2021. Vol. 19, iss. 1. P. 65–72. doi: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72
10. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
11. Torah: the five books of Moses. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, Varda Books. 2001. 638 p.
12. Владимира Т.Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 161–174. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174
13. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: ACT, 2021. 448 с.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.
15. Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры // От слова к смыслу: проблемы тропогенеза. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 28–80.
16. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.
17. Burgers Ch., Konijn E.A., Steen G.J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // Communication Theory. 2016. Vol. 26, № 4. P. 410–430.
18. Кушниренко А.А. Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Наука и современность. 2010. № 2-3. С. 132–135.
19. Владимира Т.Е. Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 294–306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306>
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.

References

1. Statkevich I.A. Vospriimchivost' cheloveka i dukhovnyye osobennosti istseleniya yego organizma [Human susceptibility and spiritual features of healing his body]. *Trudy molodykh uchonykh i spetsialistov* [Works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2001. Pp. 57–60 (in Russian).
2. Statkevich I.A. Fenomenologiya i sushchnost' suggestii. Misticheskaya i nauchnaya yego interpretatsiya [Phenomenology and the essence of suggestion. Mystical and scientific interpretation]. *Sbornik nauchnykh trudov kafedry kompleksnykh issledovanii po filosofii* [Collection of scientific papers of the Department of Complex Research in Philosophy]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2002. Pp. 58–66 (in Russian).
3. Subotyalova A.M., Subotyalov M.A. Meditsinskiye upominaniya v epicheskikh proizvedeniyakh Drevney Indii (“Ramayana” i “Mahabkharata”) [Medical references in the epic works of Ancient India (Ramayana and Mahabharata)]. *Science for Education Today*, 2019, vol. 31, no. 3, pp. 96–103 (in Russian).
4. Karomatov I.D., Gulyamov Kh.Zh. Meditsinskiye voprosy, osveshchennyye v Biblii [Medical Issues Covered in the Bible]. *Biologiya i integrativnaya meditsina -Biology and Integrative Medicine*, 2017, no. 4, pp. 180–186 (in Russian).
5. Stepanova E.S. Semantika mifa o rozhdenii kak kul'turnyy kod [Semantics of the Birth Myth as a Cultural Code]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 292–304 (in Russian). doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304
6. Stepanova E.S. Mify o chudesnykh istseleniyakh: lingvisticheskiye i aksiologicheskiye aspekty [Myths about miraculous healings: linguistic and axiological aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 24–32 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32
7. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, Tambovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000. 123 p. (in Russian).
8. Shcherbak A.S. Osnovnyye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noy kontseptosfery) [Main types of onomastic concepts (based on the regional conceptual sphere)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2009, no. 10, pp. 169–175 (in Russian).

9. Stepanova E.S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction. *The International Journal of Communication and Linguistic Studies*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 65–72. DOI: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72
10. Karasik V.I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 424 p. (in Russian).
11. *Torah: the five books of Moses*. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, Varda Books. 2001. 638 p.
12. Vladimirova T.E. Semanticheskiy kontinuum mifa [The Semantic Continuum of Myth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 161–174 (in Russian). doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174
13. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, AST Publ., 2021. 448 p. (in Russian).
14. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 480 p. (in Russian).
15. Frank-Kamenetskiy I.G. K voprosu o razvitiu poeticheskoy metafory [On the development of poetic metaphor]. *Ot slova k smyslu: Problemy tropogeneza* [From Word to Meaning: Problems of Tropogenesis]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. Pp. 28–80 (in Russian).
16. Kassirer E. Sila metafory [The power of metaphor]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskiy M.A. (ed). *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 33–43 (in Russian).
17. Burgers Ch., Konijn E.A., Steen G.J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony. *Communication Theory*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 410–430.
18. Kushnirenko A.A. Semantika komponentov arkhetipicheskogo kompleksa literaturnogo proizvedeniya [Semantics of the components of the archetypal complex of a literary work]. *Nauka i sovremenność – Science and modernity*, 2010, no. 2-3, pp. 132–135 (in Russian).
19. Vladimirova T.E. Semanticheskiy potentsial slova: na materiale mifologemy svyashchennogo braka Neba i Zemli [The semantic potential of the word: based on the mythologem of the sacred marriage of Heaven and Earth]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, vol. 13, no 2, pp. 294–306 (in Russian). doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306
20. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremenya Publ., 2002. 476 p. (in Russian).

Информация об авторе

Степанова Е.С., кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет (ул. Чапаевская, 89, Самара, Россия, 443099).

E-mail: pretty.step@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>; SPIN-код: 6992-0076;
Author ID: 732441; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222422219>

Information about the author

Stepanova E.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State Medical University (ul. Chapayevskaya, 89, Samara, Russian Federation, 443099).

E-mail: pretty.step@bk.ru; ORCID 0000-0002-2707-7222, SPIN-code: 6992-0076;
Author ID: 732441; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57222422219>

Статья поступила в редакцию 27.07.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 27.07.2025; accepted for publication 26.09.2025